

УДК 821.511.131

*А.А. Арзамазов***ГРАММАТИКА ВРЕМЕНИ В УДМУРТСКОЙ СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ:
ТВОРЧЕСТВО ГАЯ САБИТОВА**

В статье рассматриваются отдельные структурно-семантические, грамматико-стилистические особенности ряда поэтических текстов Гая Сабитова, одного из ярких представителей удмуртского соцреализма. Удмуртские соцреалистические идиостили как национально-специфический вариант данного художественного метода прежде не становились объектом интерпретации. Актуальность исследования продиктована недостаточностью лингвопоэтического подхода в рассмотрении феномена развития удмуртской литературы, отсутствием научных работ, сфокусированных как на грамматике поэзии, так и на категории темпоральности поэтического целого, его художественных контекстах. В статье проанализирована разноуровневая связанность грамматической сферы текстов Г. Сабитова и его художественной семантики, проявлена взаимообращенность формы и содержания, языковых элементов, идеологического плана выражения и индивидуально-авторского мировидения. Новым является выделение основных грамматико-лексических сегментов лирической трансляции темпоральности, выявление сценариев индивидуально-авторской семантизации настоящего времени, изучение стихотворного корпуса Гая Сабитова с точки зрения языковых реалий, проецирующихся на удмуртскую советскую литературу в целом.

Ключевые слова: национальная литература, удмуртский соцреализм, «риторика эпохи», лингвопоэтический аспект, темпоральные модели, настоящее время, художественная семантика времени.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-866-874

Одна из важных проблем, без которых немислимы изучение удмуртской литературы, выявление основных этапов ее развития – это вопрос о статусе и национальной специфике социалистического реализма. Соцреалистические тексты в количественном плане оказываются наиболее репрезентативными в системе национальной словесности. К этому художественному направлению относятся многие знаковые, «классические» произведения удмуртских писателей 1920-х – первой половины 1980-х гг. Очевидно, что соцреализм – сложное, теоретически не совсем проясненное явление культуры, существовавшее почти шестьдесят лет и в целом характеризующееся значительными внутренними трансформациями. Можно заключить, что «чем больше становится историей советское прошлое, тем менее оно видится ледяным монолитом, лишенным человеческого начала и признаков подлинной жизни, противостоящим миру правды и абсолютного добра, и тем очевиднее, с одной стороны, единство литературного процесса в России в XX веке, а с другой стороны – разворачивание этого процесса в нескольких последовательно сменявших друг друга, порой экзотических, культурных моделях» [7. С. 22].

И всё же в истории удмуртской литературы, в отличие, например, от русской, соцреалистические стратегии (речь идет о поэтическом преломлении) представляются менее вариативными, творчески менее индивидуализированными. Однако, бесспорно, найдутся писатели, которые, ощущая узость рамок идеологически ангажированного метода, делали уверенные шаги в сторону раскрытия экзистенциальной проблематики. Необходимо подчеркнуть, что и в этом случае соцреалистический почерк так или иначе был задействован, но в меньших масштабах. Рассуждая об успехах удмуртского соцреализма, в первую очередь необходимо упомянуть творческое наследие классика национальной литературы Михаила Петрова (1905–1955), особенно его поэму «Италмас», пронизанную подлинным человеческим драматизмом, созданную в контексте национальной этнопоэтической традиции, фольклорной изобразительности. В стихотворениях позднего Ф. Васильева, Г. Сабитова, Н. Байтерякова, В. Романова центральное место отводится внутреннему миру человека – его переживаниям, сомнениям, размышлениям. Прежняя назидательность, социальная «неуспокоенность» либо значительно смягчены, либо вообще отсутствуют.

В рамках исследования удмуртской поэзии (любой другой национальной традиции народов России), описания и объяснения ее образных языков, символических кодов, лингвопоэтических особенностей одно из центральных позиций должна занимать разносторонняя интерпретация соцреалистических идиостилей. Логично предположить, что в идеологизированных текстах представлены выразительные характерологические языковые явления, отражены любопытные риторико-коммуникативные приемы,

предопределенные советской художественной моделью. Вместе с тем озвученная аналитическая перспектива, предполагающая выход на компаративное сопоставление с другими этнокультурными, региональными художественными системами, традициями, требует отдельных исследовательских проектов, отдельного концептуального научного обобщения.

Предваряя рассмотрение поэтических произведений соцреалистического толка, следует упомянуть о магистральных путях восприятия времени в советском обществе. Разумеется, речь идет лишь о некоторых существенных аспектах индивидуализированного и коллективного переживания современности. Российский культуролог Ю.С. Степанов подчеркивает, что в советских гуманитарных дисциплинах была широко распространена идея об ускоренном ходе времени: «Так, в 1970-е гг. некоторые литературоведы считали возможным говорить об ускоренном развитии литературы в социалистическом обществе. Но еще значительно раньше, с начала «пятилеток» в СССР, постоянно ставился вопрос о досрочном выполнении пятилетних планов... Само время ощущалось как нечто неотступно торопящее человека и всё общество» [13. С. 236]. Советская картина мира, одним из ключевых хронотопов которой стали зона, тюрьма, пронизана томительным ожиданием, глубинным экзистенциальным стремлением ускорить ход времени. В начале XXI столетия как соцреалистический метод литературы, так и социалистические обыкновения становятся всё более популярными темами различных гуманитарных исследований [2; 8; 9; 13 и др.].

Следует заметить, что фундаментальная категория времени в системе соцреалистического искусства – это большая, многоаспектная тема для научного осмысления, предполагающая междисциплинарное разрешение. Время как категория человеческого бытия представляет значительный интерес для широкого круга дисциплин, самых разных исследовательских направлений филологии [1; 3; 5; 6; 14; 15 и др.]. В этом смысле частный опыт обращения к языковому выражению времени, художественно-семантическим контекстам его грамматического развертывания в удмуртской соцреалистической поэзии можно считать скромным приглашением к исследованию многомерной сущности времени, его преломления в творчестве, «свободном» и политически, идеологически обусловленном.

В статье использовано комбинированное сочетание метода лингвопоэтического анализа художественного текста, структурно-семантического и лингвостилистического методов. Также мы обращаемся к аналитическому приему *close reading* («закрытое чтение»), который являет собой один из широко распространенных способов интерпретации поэтического целого, позволяющий на уровне внутренних и внешних текстовых структур отыскивать значимые в свете заданного исследования элементы, композиционно-семантические реалии, трансформации, области формирования идиостилевой специфики, стилистических особенностей литературного течения, направления. *Close reading (the art of close reading)* – термин, широко используемый в англоязычном литературоведении, критике и в некотором роде соотносимый с концепцией «медленного чтения» М.О. Гершензона. Аналитические стратегии *close reading* также повсеместно представлены в современном российском научно-филологическом, литературоведческом процессе [4; 11].

Необходимо оговорить, что выбор поэта, стихотворных текстов для интерпретации темпоральных моделей, их возможного художественного содержания обусловлен, во-первых, идеологической маркированностью произведений, их соцреалистической эмблематичностью, а во-вторых, малоизученностью, «невключенностью» в исследовательские интересы удмуртских филологов.

Гай Сабитов (1915–1993) – один из ярких представителей удмуртского поэтического соцреализма. К его творчеству можно относиться по-разному, однако нельзя не признать, что оно чрезвычайно интересно с точки зрения особой соцреалистической эмоциональности. Удмуртский поэт писал в оптимистической, «подъемной» тональности, творчески излучал легкое, романтическое отношение к жизни, не вступающее в противоречие с идеологическими установками советской эпохи. Сабитов в 1960–1970-е – первый удмуртский поэт-песенник, воспевающий людей труда, симпатичную советскую молодежь, города, природу необъятной родины. Представляется логичным обратиться к идеологически ангажированным стихотворениям Сабитова и рассмотреть доминантные темпоральные модели, проявить их возможную семантическую направленность. Материалом для интерпретации темпорально-соцреалистического кода послужили некоторые тексты и песни, включенные в сборник «Яратйсько. Кылбуръёс но кырӧанъёс» («Люблю. Стихи и песни», 1975).

Один из «программных» соцреалистических текстов сборника – стихотворение «Ленин сярысь мон малпасько» («Я думаю о Ленине»), которым открывается книга:

*Октябрь җардон – арысь аре яркыт.
Тылсиосыз весь кыдеке вёлско.
Синмаськымон быдһым асьме вакыт –
Ленин сярись вьльысь мон малпасько.*

*Тулус сямен, туннэ ульчаосыд
Горд флагёсын шулдыр сяськаясько.
Та вунонтэм дано нунальёсы
Ленин сярись вьльысь мон малпасько.*

Вьль площади вьльмем ульчаостй
Колоннаос пумтэм ик **кыстйсько**.
Учкылыса шудо калыкёсты,
Ленин сярись вьльысь мон **малпасько**.

*Удмурт ужась нуч эшениз артэ,
Агай-выньёс вьллем соос адско.
Даньяськыса орточо зеч рапортэн –
Ленин сярись вьльысь мон малпасько.*

*Учке котыр – кырһан, эктон, шудон –
Гурла, пёзе бадһым шулдырьяськон.
Октябрь ваиз эркын шудо улон –
Ленин сярись вьльысь мон малпасько.*

[12. С. 11]

Октябрьский рассвет – из года в год ярк.
Лучи его далеко разлетаются.
Загляденье наше великое время –
Снова о Ленине я думаю.

Словно весной, сегодня улицы
Красными флагами радостно цветут.
В эти незабываемые славные дни
Снова о Ленине я думаю.

На новую площадь по обновившимся улицам
Колонны бесконечно тянутся.
Глядя на счастливый народ,
Снова о Ленине я думаю.

Удмуртский рабочий с русским другом рядом,
Словно братья, они смотрятся.
Гордо проходят с хорошим рапортом –
Снова о Ленине я думаю.

Посмотрите вокруг – песни, танцы, игры –
Шумит, кипит большое веселье.
Октябрь принес свободную счастливую жизнь
Снова о Ленине я думаю.

(Здесь и далее подстрочный перевод автора)

Пять четверостиший, стандартная для творчества Г. Сабитова песенная рифмовка, отчетливо выраженная риторичность художественных посылов в структуре поэтического целого дополняются интересной грамматической деталью – в тексте наблюдается высокая степень темпоральной линейности. Широко используются формы настоящего времени – монолитность которого ослабевает лишь однажды, в последней строфе. Настоящее время, как известно, в темпоральной системе поэзии довольно часто преобладает по отношению к другим временам, и достаточно регулярно такая темпоральная реальность соотносится с «интенциональным полем» автора, его идеологическими установками, приоритетами индивидуально-художественной референции. Рассмотрим, чем обусловлена высокая линейность в стихотворном произведении «Ленин сярись мон малпасько» («Я думаю о Ленине»), какова корреспонденция категории времени и поэтической семантики.

В первой строфе складывается композиционная модель, которая сохраняется на протяжении всего текста – наблюдается интересный параллелизм, в рамках которого в первых трех строках поэтически приводятся сцены из жизни советского общества, звучат авторские восхищенно-благодарные оценки случившихся-случающихся изменений в стране. Очевидно, что всё очень хорошо – рядовой советский гражданин в контексте рассматриваемого стихотворения вписан в бесконечный праздник, своеобразный соцреалистический карнавал, полный ярких красок, символов. Последняя строка каждого четверостишья является рефреном – она ставит в центр внимания «Я» субъекта, погруженного в счастливые раздумья о Ленине. В первой строфе используются две глагольные индикативные формы, управляемые разными актантами. Первый временной план – настоящее расширительное время, в данном случае реальность времени не замкнутая, она имеет открытый и обобщенный характер. Речь идет о хронологически протяженном становлении советской модели мира, интенсивном совершенствовании советского человека. В художественном изображении упоминаемых внешних (социальных) и внутренних (психологических, идеологических) перемен поэт обращается к устойчивому образному словарю соцреалистической символики: заря Октября из года в год становится всё ярче, ее искры разлетаются на всё большее расстояние. И грамматически актуализируемая глагольная возвратность (*вёлскыны – вёлско*) вполне может восприниматься как латентный семантический маркер достоверности, правдивости, правильности описываемого действия=события. Семантика времени в строфе выражается и при помощи лексического темпорального сочетания *арысь аре* «из года в год». Приводится прямая оценка переживаемого времени: «*Синмаськымон быдһым асьме вакыт*» – «Прекрасное, великое наше время». Неслучайно употребление местоимения *асьме* вместо

милям – так автор / язык заявляет о более глубоком, личном восприятии эпохи, отражаемом в зеркале новой советской идентичности. В целом, уже первая строфа дает понять, что время – ключевая категория интерпретируемого стихотворного произведения, реализуемая и на грамматическом, и на лексическом уровнях. Примечательно, что первые две строки, являющиеся самостоятельными предложениями, и третья строка семантически связаны с «Я» высказыванием «Ленин сярсысь выльысь мон малпасько» («О Ленине снова я думаю»). Они – результат этой поэтически «свернутой» рефлексии, апелляции авторского сознания к образу Ленина, метафорическое выражение концептуальных преобразований в жизни страны, социума, которые осуществил Владимир Ильич.

Вторая строфа и в плане композиции, и с точки зрения символично-семантических посылов имеет много общего с первой: вновь используются природные образы, вновь прославляется советская современность. По-прежнему актуализируются индикативно-презенсные формы. В первых трех строках монтируется сцена весеннего социалистического праздника – улицы города «расцветают» красными флагами. Употребление очередной темпоральной лексемы *туннэ* «сегодня» в аспекте семантического выражения нельзя считать сужающей рамки «действующего времени» вплоть до «здесь и сейчас». Социалистическое «сегодня» в художественно-авторской рецепции Гая Сабитова ассоциируется с исторически расширенной идиллической действительностью. Концепт *туннэ* перекликается с незабываемыми другими днями, о которых упоминается в третьей строке. Некоторые лексические компоненты, казалось бы, фокусирующие сиюминутные переживания, эмоции, впечатления, рассуждения, «встречи с миром», на самом деле утрачивают свою первичную темпоральную семантику и приобретают другой временной статус. В основе художественно-поэтической репрезентации Г. Сабитова – идея о «расширенности» советского времени. В «социалистическом настоящем» удмуртского поэта много прошлого, знаменательного своими эпохальными, революционными событиями. Но еще больше – будущего, чей вектор часто задан подсознательно, текстуально выражается вне каких-либо грамматических форм. Один из глаголов, задействованных в строфе, характеризуется возвратностью.

Во второй и в третьей строфах очерчивается место художественного действия. Социалистический хронотоп Г. Сабитова регулярно связан с образом города. Именно городское пространство явление в рассматриваемом стихотворении: площадь, улицы, колонны марширующих людей. Темпоральными характеристиками наделены два глагола – *кытїсько* «тянутся» и *малпасько* «думаю», первый глагол – возвратный. В третьей строфе наиболее ярко выражена кинематографичность художественного сознания автора, которое в стихотворении увлечено поэтическим изображением знаковых процессов. Обычный человек для него не представляет какого-либо специального интереса – об этом говорит часто употребляемое в удмуртской соцреалистической поэзии слово *калыкъёс* «люди». «Тянущиеся колонны» Сабитова – типичный образ «автоматического» существования советского человека, изобразительно оформленная аксиологическая доминанта, позволяющая судить о ценностных и эстетических приоритетах, интересах удмуртской творческой интеллигенции 1960-х – 1970-х гг.

В четвертой строфе увеличивается количество глаголов – с двух до трех. Прежний временной пласт сохраняется – грамматически эксплицируется настоящее время. Сцена праздничного многолюдного шествия сменяется сценой братского общения русского и удмуртского рабочих, которые братья. Кто из них – старший, кто младший – понятно без дополнительных объяснений. Как и в третьей строфе, здесь один из глаголов осложнен формой деепричастия, привносящей психологический оттенок в авторское высказывание. Очевидно, что в этом сюжетно-текстовом эпизоде презент выражает ключевые «закадровые» ощущения, когнитивные авторские установки, сопряженные с общестихотворным моделированием континуума незыблемой, хронологически разомкнутой советской мирореальности. Подчеркиваются дружба народов, трудовые успехи, отраженные в рапортах.

На фоне предыдущих строф несколько выделяется последняя строфа. Здесь употребляются четыре индикативных формы глаголов, одна повелительная глагольная форма. Прежняя доминантная презентная линейность прерывается единственной формой прошедшего времени. Глаголы, за исключением последней строфы, расположены в начале строки. На сюжетно-семантическом уровне значительных изменений нет – те же благодарственно-пафосные мысли лирического «Я» о Ленине, та же атмосфера большого социалистического праздника – с песнями, танцами, играми. Презентные глаголы в этой строфе (*гурла*, *пöзе*) характеризуют постоянно постулируемое в тексте карнавальное движение – кажется, что ему нет края и конца. Торжественно-оптимистическое видение советской повседневности в поэтическом творчестве Гая Сабитова встречается часто – его героям почти всегда хорошо, светло, легко. И течение времени в таких стихах особое – оно словно рассыпается, расстupa-

ется перед ударной мощью, трудовым напором, щедрым, веселым сердцем простого советского человека – ижевчанина, удмурта. Время выразительно, рельефно заявляет о себе тогда, когда есть сомнение, когда душу точит печаль и одолевают «колючие» мысли. Однако такой внутренний сценарий не является приоритетным для лирических субъектов, поэтому их опыт переживания времени лишен частной экзистенциальности. Что касается рассматриваемого текста и семантических посылов темпоральности, то стоит вновь отметить семиотическую полифоничность настоящего времени в удмуртском поэтическом языке. Оно передает самые разные темпоральные оттенки, выражает множество временных значений. Употребление прошедшего времени в последней строфе придает законченность поэтическому повествованию и утверждает авторскую мысль об уникальной свободе и абсолютном счастье советского гражданина.

Еще одно заслуживающее внимание соцреалистическое стихотворение Гая Сабитова из книги «Яратйсько» – «Ленин ётемья» («По призыву Ленина») [12. С. 12-13]. В рамках данного текста поэт придерживается иной темпоральной модели – в произведении основным временным планом является прошлое, грамматически воплощенное прошедшим очевидным временем. Его поэтическая актуализация оправдана авторским замыслом, сюжетно-тематической заданностью произведения. Стихотворение на фоне основного корпуса стихотворных текстов Г. Сабитова композиционно довольно интересное и необычное. Оно состоит из четырех неравномерных строф (9-8-7-7), характеризуется низким уровнем употребления глаголов, привычным для произведений такого рода обилием идеологической терминологии. Несмотря на строгую рифму, стихотворение сложно отнести к преобладающим в творчестве Г. Сабитова песенным текстам – поэт в данном случае и не ставит перед собой такую задачу. В основе стихотворения – историческая событийность, подающаяся сквозь призму авторского прочтения, в свете соцреалистического идеологизированного восприятия. При этом обращение к каждой строфе, строке в ходе интерпретации поэтического целого в нашем случае дает возможность выйти на не всегда очевидные временные «перекрестья», на скрытую семантику темпоральных процессов.

Первая строфа стихотворения «Ленин ётемья» переносит читателя в революционный год, в столицу Российской Империи. И в этом смысле осуществляется художественная конкретизация временных рамок, речь идет об очевидном историческом времени. В первой строфе не найти достойных внимания эстетических, образно-изобразительных компонентов. Единственная художественно заметная деталь – сравнение гнева рабочих с весенним паводком, потоком, которые невозможно остановить. Эта компарация в духе соцреалистической образности. В строфе встречаются две глагольные индикативные формы, реализующие модальность прошедшего времени и участвующие в конструировании исторического фона. Поэтически описываемые эпохальные перемены даются в свернутом виде – автор избегает развернутых сцен, точных декораций, «крупных мазков». Эти возможные сценарии конструирования, развития текста перебиваются изначальными риторическими установками и соответствующей интенсивностью межстрофных смысловых переходов. Создается впечатление, что поэт в ускоренном режиме создает текст, что ему хочется как можно скорее «выйти» из него, поставить точку, больше не возвращаясь к нему. В силу свернутости сюжета в строфе мало глаголов, а идея / тема времени раскрывается на уровне глобального исторического контекста, породившего стихотворное произведение.

Во второй строфе встречается только одна глагольно-индикативная форма, акцентирующая план прошедшего, прошлого. Строфа начинается с образного обыгрывания мотива значительных социальных и политических потрясений – упоминается яркая заря новой эпохи, слышится грохот пушек, под который великий Ленин подписывает декрет, передающий власть, страну рабочим. Вторую строфу с первой сближает наличие финальных революционных лозунгов, оформленных кавычками, в структуре которых видное место занимает тире. Два глагола, стоящих в прошедшем очевидном времени, – достаточно скромный показатель грамматического выражения темпоральности – являются своеобразными риторическими центрами строфы. Глаголы подчеркивают величие, масштабность и символичность свершившихся процессов – Россия удивила весь мир, заставила говорить о себе, закаленная в делах, в борьбе компартия вела простых людей на свет коммунизма. Употребление прошедшего времени обусловлено важным идеологическим посылом: речь идет о судьбоносных переменах, которые не отменить, которые стали *modus om vivendi* советских людей. Примечательно, что в первых трех строфах глаголы размещены в конце строки и образуют рифмовые переклички.

Последняя строфа в стихотворениях Гая Сабитова нередко оказывается сферой отличий. В рассматриваемом тексте именно в последней строфе наблюдается относительное разнообразие времен-

ных планов. Доминантным кодом строфы становится настоящее время, которое семантически вмещает как объективные необратимые процессы (*ортчо аръёс* «проходят годы»), так и субъективно-психологические грани восприятия действительности, истории. Поэтический презенс в четвертой строфе тесно сопряжен с прошедшим временем (*ортчо аръёс* «проходят годы» – *данъяськыса ваиськомы тодэ* «с гордостью вспоминаем» – *калык басътӱз кияз властез быдэс* «народ взял в свои руки всю власть»). Таким образом, очевидна взаимосвязанность прошлого и настоящего – героизация революционного прошлого не может иметь замкнутый характер, быть изолированной только в одной темпоральной плоскости. Соцреалистические художественные установки часто вынуждают поэта находиться одновременно и в измерении идеологически актуального прошлого, и в празднично-трудовом настоящем, и в светлом коммунистическом будущем, прозрачном и абсолютном.

Интересным с точки зрения художественной реализации темпоральной семантики можно считать стихотворение-песню Гая Сабитова «Ленин доры» («К Ленину»):

*Вордскем шаермылэн шораз
Льбӧль мраморлэсь лэсьтэм юртын
Быдӧным вождымы кӧлэ огназ,
Нош со ӧвӧл ватӱськемын:*

*Лыкто, лыкто солэн дораз –
Пырасьёслэн пумзы ӧвӧл –
Гажась синмын учке шораз,
Нош Ленин, кожсалод, уг кӧл.*

*Дораз лыктэм адямилэсь
Кылзэ сюлэм тэтчамъёссэ.
Шӧдӧ кадъ со котькудӱзлэсь
Сюлмаськонзэ, малпанъёссэ.*

*Учке кадъ со шумпотыса
Синъесазы калыкъеслэн:
Дунне шарлэн вань пальёсаз
Шонер ужез вӧлме солэн.*

[12. С. 88]

В центре нашей Родины,
В здании из розового мрамора,
Спит наш великий вождь,
Но он не похоронен:

Идут, идут к нему –
Посетителям нет конца –
С уважением смотрят на него,
А Ленин, кажется, не спит.

Пришедшего к нему человека
Слушает биение сердца.
Как будто чувствует он
Заботы, мысли каждого.

Словно смотрит он, радуясь,
В глаза народа:
Во все части земного шара
Его праведное дело распространяется.

На первый взгляд, композиционно текст достаточно простой – четыре четверостишья с банальной, строгой песенной рифмовкой. При более детальном рассмотрении выявляется одна любопытная синтаксическая особенность: в структуре песни наличествуют два развернутых сложных предложения, формально, казалось бы, не совсем уместных в стихотворном целом с предельно ясным сюжетом, рассчитанном на легкое читательское восприятие. Первое предложение растянуто на две строфы, включает в себя ситуацию употребления двоеточия, два тире, серию взаимосочетающихся глаголов, причастий. Вероятно, данный факт потенциально говорит о том, что автор стремится изобразить некую концептуальную сцену, поэтическое развертывание которой требует определенного обобщения, обозначения символических пауз, но при этом необходима внутриграмматическая акцентировка единства визуальной картины, стихотворно создаваемой панорамы. Текст «Ленин доры» насыщен глаголами, в нем превалирует динамика над статикой, что соответствует замыслу произведения. Первые две строфы стихотворения кинематографичны: изображается мавзолей, мраморный дом вождя, в который приходит неисчислимое количество людей. Мавзолей не кажется местом «казенно-демонстративного» поклонения. Человек здесь, согласно Г. Сабитову, не ощущает холода смерти, остановившегося времени.

В третьей строфе центральным художественным событием представляется инфернальная способность вождя чувствовать своих «гостей»: он слушает стук сердца посетителей, понимает их заботы, мысли, смотрит с радостью в их глаза. Ленин в творческом восприятии Гая Сабитова живет всех живых. Даже принципиальный смысловой маркер-частица *кадъ*, транслирующая условность, кажимость, сомнение, не делает более слабой эту авторскую интенцию. Доминантные глагольные формы настоящего времени выполняют важную художественную функцию – они подчеркивают особый статус Ленина, указывают на то, что он продолжает жить, находится в реальном времени и простран-

ве. Используемые в тексте глаголы (2-3-4 строфы) – бесспорно, глаголы жизни, индексы базисных психофизических состояний, реакций: *кõлэ – уг кõл* «спит – не спит», *кылзэ* «слушает», *шõдэ* «чувствует», *учке* «смотрит». Настоящее время в стихотворении маркирует постоянство метафизической взаимообращенности вождя и его народа. Логика соцреалистического текста такова, что подобная ритуально-сакральная церемония на грамматическом уровне, по-видимому, не должна быть оформленной в разных темпоральных регистрах. Концептуальное со-бытие духа-тела Ильича и советских людей с точки зрения внутренних законов развития=выстраивания поэтического текста предполагает наличие особого рода референции. Абсолютное преобладание презенсных моделей, соответствующих постулируемым сюжетным ситуациям и реальности авторского замысла, может считаться одним из механизмов такой референции.

Приводимые выводы относительно грамматики и семантики времени в структуре поэтических произведений Гая Сабитова могут (и должны) быть дополнены результатами более масштабных исследований соцреалистического наследия удмуртской литературы. При детальном рассмотрении темпоральных моделей центральным сегментом анализа становятся конкретное художественное произведение, проявленные в нем мысли, ценности, мировоззренческий опыт, идеологемы. Одним словом, первичен содержательный уровень произведения, когда внешние структуры соотнесены с внутренним высказыванием автора.

Нельзя не обратить внимание на достаточно скудный глагольный репертуар рассмотренных соцреалистических текстов. Большинство поэтически привлеченных глаголов манифестируют достаточно однообразные соцреалистические идеалы и утопии, выражают пафосные, риторико-назидательные интонации. Довольно объемную текстовую группу образуют глаголы экзистенции, психофизической реакции, которые участвуют в поэтическом раскрытии образа Ленина, играют на его стихотворное «оживление». Глаголы, связанные с людьми, акцентируют темы труда, мотивы славы, благодарности, гордости за свою родину. Количественно представительный блок составляют глаголы природных явлений, семантически перекликающиеся с соцреалистическими художественными установками.

Одна из ключевых темпоральных вариаций, имеющих специфический план содержания, – актуализированность настоящего времени в стихотворениях, обращенных к личности В.И. Ленина. Такие произведения, как правило, открывают поэтические сборники, в них соцреалистический метод представлен особенно выразительно. При помощи индикативных презенсных форм показывается, что Ленин – живой, активный субъект действительности. Более того, он часть единого советского целого, он проявляет себя здесь и сейчас – живет, работает, мечтает, преобразовывает мир, как и любой советский человек. Этот грамматико-темпоральный показатель вечной жизни вождя соотносится с его сакральным статусом в соцреалистической модели мира. К данному сюжетно-поэтическому инварианту восходит ситуация широкого употребления в удмуртских соцреалистических стихотворениях презенсных глаголов, характеризующих советский народ, советских людей. Интересно, что если речь идет не о Ленине, то наиболее употребительны формы первого и третьего лица множественного числа, т. е. на языковом, грамматическом уровне выделяются «группы» – люди, народы, размышляющий, думающий человек, напротив, очень редко становится актантом поэтического изображения.

Следует заметить, что фронтальное исследование удмуртского художественного соцреализма – одна из главных задач, которая стоит перед литературоведами, историками литературы, филологами Удмуртии. Несомненно, что лингвопоэтический, лингвостилистический аспекты в этом плане оказываются важными и интересными аналитическими стратегиями, позволяющими отыскивать в текстах, поэтических репликах не только индивидуально-авторские проекции большого стиля, но и семантические «сужения» / «расширения» отдельных грамматических форм, моделей, лексем, образов, выходить на уровень концептуальной соотнесенности языка и творчества, художественного самовыражения и политики, индивидуального мировосприятия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахапкина Я.Э. Семантика времени в поэтическом тексте (на материале лирики Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама акмеистического периода творчества). СПб.: Свое издательство, 2010. 234 с.
2. Богданов К. Риторика ритуала. Советский социолект в этнолингвистическом освещении // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 300-337.

3. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 260 с.
4. Бондарь-Терещенко И. Горький рафинад. В романной мире Владимира Рафеенко // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 292-298.
5. Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий. СПб.: Академический проект, 1996. 224 с.
6. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. 155 с.
7. Завьялов С.А. Концепт «современности» и категория времени в «советской» и «несоветской» поэзии // Новое литературное обозрение. 2003. № 62. С. 22–33.
8. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. 262 с.
9. Куренная Н.М. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект (из опыта восточноевропейских литератур. 1930 – 1970-е годы). М.: Институт славяноведения РАН, 2004. 188 с.
10. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М.: Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
11. Порвин А. Размышления о романе Николая Кононова «Фланер» // Новое литературное обозрение. 2014. № 125. С. 286-291.
12. Сабитов Г.С. Яратйсько. Кылбуръёс но кырзаныёс. Ижевск: Удмуртия, 1975. 176 с.
13. Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. М.: Изд-во «Академический проект», 2004. 992 с.
14. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высш. школа, 1979. 219 с.
15. Шапир М.И. «Versus» vs «proza»: Пространство-время поэтического текста // Philologica. Moscow; London, 1995. Т. 2, № 3/4. С. 7-47.

Поступила в редакцию 13.05.2019

Арзамазов Алексей Андреевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
 Уральского отделения Российской академии наук»
 426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
 E-mail: arzami@rambler.ru

A.A. Arzamazov

GRAMMAR OF TIME IN UDMURT SOCREALISTIC POETRY: GAI SABITOV'S CREATIVITY

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-866-874

This article discusses the individual structural-semantic, grammatical and stylistic peculiarities of the poetic texts of Gai Sabitov, who is one of the brightest representatives of the Udmurt socialist realism. Udmurt socrealistic idiostyles as a national-specific variant of this artistic method has never been the object of interpretation. The relevance of the study is dictated by the insufficiency of the linguistic and poetic approach in considering the phenomenon of development of Udmurt literature, the lack of scientific works focused both on the grammar of poetry and on the temporality category of the poetic whole, its artistic contexts. The article analyzes the multi-level relationship of the grammatical sphere and the artistic semantics of G. Sabitov's texts, shows the interconversion of form and text content, linguistic elements, the ideological plan of expression and the individual author's worldview. The novelty is the selection of the main grammatical and lexical segments of the lyrical translation of temporality, the identification of scenarios of individual author semantization of the present tense, the study of Gai Sabitov's poetic corpus from the point of view of linguistic realities that are projected onto the Udmurt Soviet literature in general.

Keywords: national literature, Udmurt socialist realism, "epoch rhetoric", linguopoetic aspect, temporal models, present tense, artistic semantics of time.

REFERENCES

1. Akhapkina Ya.E. Semantika vremeni v poeticheskom tekste (na materiale liriki Anny Akhmatovoi i Osipa Mandel'shtama akmeisticheskogo perioda tvorchestva) [The semantics of time in the poetic text (based on the lyrics of Anna Akhmatova and Osip Mandelstam of the acmeistic period of creativity)]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2010, 234 p. (In Russian).
2. Bogdanov K. Ritorika rituala. Sovetskii sotsiolekt v etnolingvističeskom osvешchenii [The rhetoric of ritual. Soviet sociolect in ethno-linguistic coverage]. Antropologičeskii forum [Anthropological forum], 2008, no. 8, pp. 300–337. (In Russian).

3. Bondarko A.V. Osnovy funktsional'noi grammatiki. Yazykovaya interpretatsiya idei vremeni [Fundamentals of functional grammar. Lingual interpretation of the idea of time]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1999, 260 p. (In Russian).
4. Bondar'-Tereshchenko I. Gor'kii rafinad. V romannoii mirre Vladimira Rafeenko [Bitter refined. In the novel myrrh of Vladimir Rafeenko]. Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2014, no. 125, pp. 292–298. (In Russian).
5. Gin Ya.I. Problemy poetiki grammaticheskikh kategorii [Problems of poetics of grammatical categories]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1996. 224 p. (In Russian).
6. Glovinskaya M.Ya. Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola [Semantic types of generic oppositions of the Russian verb]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 155 p. (In Russian).
7. Zav'yalov S.A. Kontsept "sovremennosti" i kategoriya vremeni v "sovetskoi" i "nesovetskoi" poezii [The concept of "modernity" and the category of time in "Soviet" and "non-Soviet" poetry]. Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2003, no. 62, pp. 22–33. (In Russian).
8. Klark K. Sovetskii roman: istoriya kak ritual [Soviet novel: history as a ritual]. Yekaterinburg, Ural State University Press, 2002, 262 p. (In Russian).
9. Kurenayaya N.M. Sotsialisticheskii realizm. Istoriko-kul'turnyi aspekt (iz opyta vostochnoevropeskikh literatur. 1930–1970-e gody) [Socialist realism. Historical and cultural aspect (from the experience of Eastern European literature. 1930s–1970s)]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Press, 2004, 188 p. (In Russian).
10. Panova L.G. "Mir", "prostranstvo", "vremya" v poezii Osipa Mandel'shtama ["World", "space", "time" in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow, Yazyki slavyanskoii kul'tury Publ., 2003, 808 p. (In Russian).
11. Porvin A. Razmyshleniya o romane Nikolaya Kononova "Flaner" [Reflections on the novel "Flaneur" by Nikolai Kononov]. Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review], 2014, no. 125, pp. 286–291. (In Russian).
12. Sabitov G.S. Yaratisk'o. Kylbur"es no kyrdzan"es [I love. Poems and songs]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1975, 176 p. (In Udmurt).
13. Stepanov Yu. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 992 p. (In Russian).
14. Turaeva Z.Ya. Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya khudozhestvennoe [Time category. Grammatical and artistic time]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1979, 219 p. (In Russian).
15. Shapir M.I. "Versus" vs "proza": Prostranstvo-vremya poeticheskogo teksta ["Versus" vs "proza": Space and time of poetic text]. Philologica. Moscow; London, 1995, vol. 2, no. 3/4, pp.7–47 (In Russian).

Received 13.05.2019

Arzamazov A.A., Doctor of Philology, Leading Researcher
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Lomonosova st., 4, Izhevsk, Russia, 426004
E-mail: arzami@rambler.ru